

Янь Сюй налил ей стакан воды, а женщина, сидя на диване, с естественной улыбкой начала представляться:

— Моя фамилия Хуан, зовут Хуан Цзиньцзин, можете называть меня просто Цзинь, так меня все зовут.

Улыбка Хуан Цзиньцзин была заразительной, и она вела себя очень воспитанно, совсем не похоже на ту женщину, которая вчера кричала у двери Хуан Чжианя.

— Что ты хотела сказать? Говори быстрее, и уходи, — Цзин Цичэнь явно не хотел тратить на неё время. Если бы не то, что Янь Сюй был хозяином этого дома, он бы не позволил ей войти.

Хуан Цзиньцзин понимала, что Цзин Цичэнь её не любит, но это было неважно. Она достала из сумки папку с документами и аккуратно положила её на журнальный столик:

— Я пришла, чтобы рассказать господину Яню правду о Сюй Сине.

— Он не просто бродячий кот, если быть точнее, он вообще не настоящий бродячий кот, — выражение лица Хуан Цзиньцзин стало горьким. — Его настоящая фамилия Ли, он из Линьчэна, и у его семьи были конфликты с нашей, можно сказать, это семейная вражда.

— Чжиань с детства был избалован, он не умеет отличать хороших людей от плохих и даже не понимает, что у Сюй Сина есть свои цели.

— Я много раз с ним разговаривала, но он не слушает, и даже сбежал с Сюй Сином. Вчера я наконец нашла их, и не смогла сдержать эмоций, поэтому произошло то, что произошло. Надеюсь, вы простите меня как мать.

Янь Сюй не взял папку с документами. Это был выбор Хуан Чжианя, его жизнь.

Стоит ли это того, идти ли этим путём, решать только ему.

Цзин Цичэнь, похоже, с трудом сдерживал себя. Его лёгкий смешок нарушил серьёзную атмосферу, и, увидев, что Янь Сюй и Хуан Цзиньцзин смотрят на него, он сказал:

— Мне кажется, это слишком драматично, прямо как Ромео и Джульетта.

После слов Цзин Цичэня Янь Сюй тоже увидел сходство и повернулся к Хуан Цзиньцзин.

Хуан Цзиньцзин вздохнула и начала рассказывать:

— Наша семья — последняя чистокровная семья китайских собак в стране. Хотя многие говорят, что чистокровных китайских собак не существует, что порода постоянно меняется и скрещивается, но на самом деле они есть.

— Вы не понимаете, как мы ценим чистоту крови. Чтобы сохранить её для следующего поколения, я вышла замуж за своего родного брата, и так появился Чжиань. Говорят, что дети от близкородственных браков слабы и умственно отстали. Но с Чжиань всё иначе, хотя теперь я верю, что у него действительно могут быть проблемы с интеллектом.

Хуан Цзиньцзин безжалостно высмеяла своего сына:

— Я пришла, чтобы забрать его обратно, и если господин Цзин поможет, это будет намного проще.

— Он уже взрослый, почему бы не дать ему самому сделать выбор? — спросил Янь Сюй, не понимая. Он знал, что большинство родителей не могут принять, что их сын — гей, но для оборотней это, казалось бы, не должно быть проблемой.

Ведь жизнь оборотней длинна, и им не нужно срочно продолжать род.

Нет никаких законов, ограничивающих их, моральных норм, братья и сестры могут жениться, так почему же гей — это проблема?

— Вы не понимаете, мы мало чем отличаемся от человеческих семей, — горько улыбнулась Хуан Цзиньцзин. — За столько лет мы уже ассимилировались.

— Я пришла не с пустыми руками. Если вы поможете мне, я дам вам кое-что, — уверенно сказала Хуан Цзиньцзин Янь Сюю.

— Что-то? — Янь Сюй не мог понять, что ему нужно.

Хуан Цзиньцзин достала фотографию:

— Нефритовую подвеску.

На фото подвеска лежала на тёмно-красной бархатной ткани, и свет, падающий на неё, делал нефрит гладким и блестящим. Это была та самая подвеска, которую Янь Сюй потерял.

Единственное, что осталось у него от родителей, и то, что Цзин Цичэнь назвал зловещим.

— Откуда она у тебя? — резко спросил Янь Сюй, его взгляд стал настороженным.

Хуан Цзиньцзин спокойно ответила:

— Я купила её у одного барсука, он запросил за неё огромную сумму. Этот нефрит действительно необычен, но мне он бесполезен, я не могу его использовать.

Цзин Цичэнь усмехнулся:

— Если я не могу использовать это, ты посмела?

Хуан Цзиньцзин испугалась:

— Да, эта подвеска никому из нас не подчиняется, многие погибли. Кто-то покончил с собой, кто-то убил своих товарищей. Я перепробовала много способов, но ничего не помогло.

— Зачем вам эта подвеска? — вдруг спросил Янь Сюй.

Увидев, что Цзин Цичэнь не запрещает ей говорить, Хуан Цзиньцзин ответила:

— Это не просто подвеска, это магический артефакт, замаскированный под нефрит. Хотя он пробуждает в людях самые тёмные желания, делает их злыми и агрессивными, лишает рассудка, но по сути это артефакт, способный воскрешать мёртвых.

— Оживлять мертвецов, восстанавливать кости.

Атмосфера в комнате стала напряжённой. Янь Сюй неподвижно смотрел на женщину, наблюдая за выражением её лица. Хотя Хуан Цзиньцзин улыбалась, даже слепой мог заметить её нервозность.

Она хотела обменять это на поддержку Янь Сюя и Цзин Цичэня, чтобы вернуть своего сына на правильный путь.

Для неё неважно, будет ли её сын счастлив, главное — сохранить чистоту семейной крови.

Но Янь Сюй, похоже, не был тронут. Он посмотрел на Хуан Цзиньцзин и спросил:

— Зачем мне это?

Эта приманка не прельщала Янь Сюя, ведь ему не нужно было воскрешать кого-либо.

Но Хуан Цзиньцзин не сдавалась. В её глазах и на губах была улыбка, но только она знала, как эта улыбка была натянутой и бессильной. Она тихо сказала:

— Когда-нибудь это может пригодиться.

Янь Сюй покачал головой.

Выражение лица Хуан Цзиньцзин застыло. Она посмотрела на Цзин Цичэня, стоящего в стороне, в её глазах была мольба. Но Цзин Цичэнь не был богом милосердия. Он просто сел на

диван и не смотрел на неё.

В комнате работал кондиционер, температура понизилась, и Хуан Цзиньцин почувствовала холод, мурашки побежали по коже. Но Янь Сюй и Цзин Цичэнь, казалось, ничего не замечали.

— Значит, вы не хотите мне помочь? — холодно усмехнулась Хуан Цзиньцин. Она взяла свою сумку и встала, собираясь уйти.

В тот момент, когда она уже собиралась переступить порог, Янь Сюй остановил её. Его голос был мягким:

— Разве как мать вы не хотите, чтобы Чжиань был счастлив?

— Счастлив? — спокойно спросила Хуан Цзиньцин. — Что такое счастье?

— Есть, пить, не голодать, не подвергаться насилию, разве это не счастье? Я просто хочу, чтобы он женился на подходящем человеке, что в этом плохого?

Голос Хуан Цзиньцин был холодным, словно она совсем не боялась страха, исходящего от Цзин Цичэня.

Сказав это, Хуан Цзиньцин покинула дом, проходя мимо двери, где жили её сын и тот бесстыдник. Её губы шевелились, словно она ругалась про себя.

Затем она вдруг что-то поняла и быстро ушла.

Янь Сюй больше не хотел эту подвеску. Для него она была лишь напоминанием о том, что он был брошен родителями, нежеланным ребёнком.

Цзин Цичэнь, конечно, это понимал. Он сел рядом с Янь Сюем и незаметно взял его за руку. Атмосфера между ними никогда не была такой тёплой, словно воздух наполнился розовыми пузырьками.

— Всё прошло, — тихо сказал Янь Сюй.

Цзин Цичэнь открыл рот, чтобы что-то сказать, но его снова прервали.

Кто-то постучал в дверь, и звук становился всё громче, словно кто-то бил в неё. Это было слышно не только в доме, но и в коридоре.

Янь Сюй подошёл к двери и посмотрел в глазок. На пороге стоял Чжан Лэнсюань, но на этот

раз он был один, без того мужчины.

<http://bllate.org/book/15574/1386976>